

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Михаил Викторович Грибовский

доктор исторических наук,
доцент кафедры российской истории,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск, Россия;
ведущий научный сотрудник,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия
e-mail: mgrib@mail2000.ru

УДК: 001.89+93/94

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-12008

Трудности университетской карьеры в России в конце XIX — начале XX века

Исследование посвящено проблеме построения университетской карьеры в России позднеимперского периода. Акцент сделан на том, с какими сложностями, препятствиями, барьерами сталкивались те, кто в конце XIX — начале XX в. выбрал университет в качестве места службы. Исследование проведено с опорой на архивные материалы. Использован метод ситуативного анализа (кейс-стади), метод сравнения.

Жизненный цикл среднестатистического «человека университетского» имперской эпохи включал в себя подготовку к университетской службе, получение первой университетской позиции, защиту двух диссертаций, продвижение по службе путем занятия тех или иных преподавательских или административных должностей, выход в отставку. Достижение каждого рубежа во все времена сопровождалось типичными или уникально-персональными трудностями. Характер и природа этих трудностей передают информацию о специфике периода, отражают своеобразие университета в разные исторические эпохи. В результате проведенного исследования, с одной стороны, выделены проблемы, которые схожи с типичными трудностями, сопряженными с работой в университете наших дней, — вхождение в профессию, обретение штатной позиции, подготовка и защита диссертаций. С другой — проблемы, которые отражают своеобразие позднеимперского русского университета, — процедура отбора кандидатов на подготовку к профессорскому званию, сложности, связанные с проводимой государственной политикой. Главной отличительной особенностью русского университета

рассматриваемого периода, сказывавшейся на службе, определяется выраженная расколотовость профессорско-преподавательского коллектива по мировоззренческому и статусному основаниям. Делается вывод о демократизации как об одном из главных трендов развития университета в начале XX в.

Ключевые слова: Университет, Российская империя, карьера, профессорский стипендиат, приват-доцент, профессор, диссертация.

Благодарности

Выявление трудностей, связанных с поступлением на университетскую службу, выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00121.

Выявление, проблем связанных с выстраиванием университетской карьеры, выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00485.

Выявление особенностей выстраивания университетской карьеры применительно к Томскому университету выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-39-20008.

Служба в университете — одно из немногих интеллектуальных занятий в прошлом человечества, начиная с европейского Средневековья.

Российские университеты, в сравнении с университетами европейскими, — это заметно более молодое явление. О складывании в России университетской культуры можно говорить только применительно к XVIII в., а полноценно — к XIX, хотя отдельные попытки создать в России профессиональные школы относятся еще к XVI–XVII вв. Вместе с тем, выйдя на сцену только в эпоху позднего Просвещения, российские университеты быстро стали центром интеллектуальной жизни страны, местом зарождения новых социальных практик, важнейшей частью городского ландшафта и предметом общественных дискуссий. Это вполне ожидаемо, ведь университет — как центр сосредоточения интеллектуальных сил, да еще и с элементами самоуправления — был во многом уникальной институцией для российского общества периода монархии.

Значение университета не уменьшалось и позднее — в советском XX в. и в наши дни, хотя в XXI в. университеты оказались перед новыми вызовами, нетипичными для предыдущих эпох. Сегодня университет за место под солнцем конкурирует с массовой культурой, интернетом, независимыми интеллектуальными центрами. Но при этом он остается местом, где можно делать интеллектуальную карьеру.

Настоящее исследование посвящено проблеме построения университетской карьеры в России позднеимперского периода. Но, исходя из того, что сама по себе эта тема уже поднималась в исторической литературе [Иванов, 1994, 2016; Матушанский, Завада, 2008; Хартанович, 1998; Шаршунов, 2007; Якушев, Казначеев, 2006; Якушев, Кононова, 2006; Maurer, 1998, p. 245–254], акцент будет сделан не на изложении принципов службы в дореволюционных университетах, а на том, с какими сложностями, препятствиями, барьерами сталкивались те, кто в конце XIX — начале XX в.

выбрал университет в качестве места службы. Эта тема важна, в том числе, с точки зрения наших дней, поскольку проблема закрепления и продвижения исследователей и преподавателей в научно-образовательной сфере сохраняет актуальность.

Описание профессионального жизненного цикла среднестатистического «человека университетского» имперской эпохи вполне может напомнить карьеру профессора советского времени или вузовского преподавателя современной России. Этот цикл включает в себя: подготовку к университетской службе, получение первой университетской позиции, защиту двух диссертаций, продвижение по службе путем занятия тех или иных преподавательских или административных должностей в университете, выход в отставку.

Достижение каждого рубежа во все времена естественным образом сопровождалось типичными или уникально-персональными трудностями. Но характер и природа этих трудностей передают нам информацию о специфике периода, отражают своеобразие университета в разные исторические эпохи. Так, в ранние советские времена барьером для академической карьеры мог служить классовый фактор, а в первое десятилетие постсоветской России серьезным препятствием для того, чтобы остаться в университете, были вопросы материального обеспечения.

Остановимся на ключевых проблемных элементах прохождения вышеназванного цикла применительно к рубежу XIX–XX вв., где нижняя хронологическая рамка связана с принятием нового университетского устава 1884 г., а верхняя — с концом имперской России. Этот период примечателен, с одной стороны, наличием сложившейся системы высшей школы, а с другой — своеобразной структурой университетских штатов, о чем пойдет речь ниже.

Вхождение в профессию

Основным механизмом пополнения университетских кадров в дореволюционной России был институт профессорских стипендиатов, аналог современного института аспирантуры.

Первая проблема, которую в связи с этим следует отметить, состояла в ограниченности средств на подготовку преподавательских кадров. Правительством для этих целей выделялось на все университеты сначала 18 тыс., а позднее 21 тыс. руб. в год. При том, что размер стипендии равнялся 600 руб., выделяемых средств хватало на 30–35 чел.¹ В действительности, ежегодно при университетах оставлялось в 2–3 раза больше выпускников. Одни существовали за счет министерской стипендии, другие — за счет средств, зарабатываемых самими университетами, третьи — за счет средств благотворителей, но при этом до половины оставляемых при факультетах лиц были лишены надежного обеспечения.

Практика функционирования института профессорских стипендиатов вызывала критику, причем как со стороны Министерства народного просвещения (МНП), так и со стороны университетов в лице профессоров.

Одна из проблем была связана с отбором кандидатов на подготовку к профессорскому званию. Современники сомневались в оптимальности действовавших механизмов. Предметом для критики была отстраненность факультетов от определения,

¹ Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 81. K. 183 ob.

кого из выпускников оставить для подготовки к профессорскому званию, так как право окончательного решения этого вопроса МНП оставляло за собой. В «Докладе по вопросу об условиях подготовки преподавателей в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения», подготовленном в связи с работой в 1901 г. Комиссии по преобразованию вузов, отмечалось: «Только профессорской коллегии принадлежит право организации новых кадров для приготовления молодых людей к профессорскому званию. Если профессорская коллегия устранена от этого дела, которое совершается помимо факультета, путем назначения, то этим колеблется и принцип академической свободы науки и самая вера в науку и доверие к даваемым ею ученым степеням, но этим же снимается ответственность с профессоров за состояние ученых кадров и даже за уровень науки в стране»².

С другой стороны, следует учитывать, что, принимая решения, МНП чаще всего утверждало предложения университетов, которые, в свою очередь, собирали их с факультетов. Поэтому о полной отстраненности профессуры от влияния на то, каких из учеников оставить, говорить не приходится.

Более того, имела место и обратная сторона этого явления. В вышеупомянутом докладе отмечалось: «Известен обычный порядок их (профессорских стипендиатов. — *М.Г.*) оставления <...>, где назначение стипендии и ее продолжение являются нередко своего рода лотереей»³. Использованный в докладе образ лотереи — отсутствие объективности, обоснованности, справедливости при назначении на стипендию — находит подтверждение и в иных источниках. Так, московский профессор М. М. Богословский писал в дневнике в 1915 г. про явившегося к нему домой стипендиата Казанского университета С. А. Пионтковского⁴, который, по его словам, «оставлен был ради того, что сын профессора»⁵.

Случаи не вполне обоснованного оставления выпускников при университетах для приготовления к профессорскому званию били по авторитету высшей школы.

Как компромисс между двумя крайностями (личным решением профессора и назначением по воле МНП) обсуждалось проведение конкурсного отбора желающих остаться при факультете. Причем любопытно, что и такой механизм вызывал немало споров. В частности, петербургский профессор С. Ф. Платонов высказывал опасение, что при конкурсном отборе исчезнет «моральная оценка аспиранта»⁶, в то время как «при выборе лица профессором принимается во внимание личность во всей ее совокупности»⁷. По этой фразе С. Ф. Платонова видно, что он выступал сторонником идеи передачи права окончательного решения об оставлении выпускника в университете — профессорам.

² Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 3. СПб, 1903. С. 135.

³ Там же. С. 133.

⁴ Сергей Андреевич Пионтковский — сын Андрея Антоновича Пионтковского (1862–1915), доктора уголовного права, профессора Императорского Казанского университета.

⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 41–42.

⁶ В лексиконе начала XX в. это слово употреблялось в значении «кандидат», здесь — кандидат на звание профессорского стипендиата.

⁷ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. СПб, 1903. С. 47.

Не прекращавшаяся дискуссия свидетельствовала о том, что вопрос о механизме отбора в профессорские стипендиаты не был отрегулирован и судьба соискателя университетской карьеры порой повисала между эффектом человеческого фактора (желание определенного профессора получить ученика, личные отношения с ним) и бюрократическими процедурами (отбор лиц министерскими чиновниками на основании представлений, наличие свободных средств).

Продвижение по службе

Прежде чем продолжить, приведем отрывок из письма 23-летнего А. Е. Преснякова, оставленного после окончания столичного университета (1893) при кафедре русской истории. В годы подготовки к профессорскому званию он писал матери: «Оставляют меня при университете. Это значит, надо готовиться к магистерскому экзамену и писать диссертацию. <...> В лучшем случае экзамен сдают года через 2–3. Тогда становятся “магистрантом”, получают право читать лекции. Затем — диссертация: от выбора темы зависит, сколько времени на нее надо. Но minimum — 5 лет, а обыкновенно больше. Затем вы магистр. <...> Сохраняете право читать лекции, если найдутся охотники слушать. Предполагается, что магистр пишет докторскую диссертацию. Но все это ученые степени, скажешь ты, а профессура? Профессура дается старшему доценту по вакансии. Так после Замысловского стал профессором Платонов, и я надеюсь, что не доживу до того, чтобы в Петербургском университете был другой профессор русской истории, т<ак> к<ак> это значит, что Платонов скончался или ушел. А ему повезло. Ему всего 34–35 лет, и он профессор, а Милюков, его ровесник — человек с крупным именем в науке — доцент. <...> Ни магистерство, ни докторство, ни доцентура не составляют того, что мы зовем “положением”, не дают обеспечения. Их практичность в рекламе — в большей легкости попадать в разные столичные учебные заведения. <...> Быть университетским преподавателем в настоящем смысле этого слова может только профессор <...>. Положение это лично для меня недостижимо, потому что я если даже буду доцентом, то после Платонова — приблизительно десятым или одиннадцатым кандидатом на кафедру, а это мыльный пузырь»⁸.

В этих рассуждениях А. Е. Преснякова читается весь комплекс переживаний молодого человека, вознамерившегося делать университетскую карьеру, переживаний относительно сдачи магистерского экзамена, написания диссертации и, главное, получения штатного места на факультете. Любопытно, что в своих весьма пессимистических предположениях об университетской карьере А. Е. Пресняков окажется во многом прав. Он станет приват-доцентом только в 1907 г., в 37-летнем возрасте, после сдачи магистерского экзамена; магистерскую диссертацию защитит в 1909 г., а должность профессора получит уже после революции, в 1918 г., после защиты в том же году докторской диссертации.

В приведенном отрывке из письма А. Е. Преснякова есть фраза: «...<вы> сохраняете право читать лекции, если найдутся охотники слушать». Она указывает на феномен приват-доцентуры, широкое распространение которого в российских университетах как раз пришлось на рубеж XIX–XX вв. Поскольку в рассматриваемый

⁸ Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники, 1889–1927. СПб, 2005. С. 66–67.

период через этап приват-доцентуры проходила карьера большинства университетских преподавателей, следует остановиться на типичных сложностях, сопряженных с занятием соответствующей позиции.

Суть приват-доцентуры заключалась в привлечении к преподаванию лиц, не входивших в университетский штат и не получавших систематического жалования. Ожидалось, что приват-доцентура «оживит университеты постоянным притоком новых и свежих сил», станет «рассадником профессоров и главнейшим средством для замещения кафедр» [Шариунов, 2007, с. 83].

В количественном отношении в рассматриваемый период приват-доцентура неизменно росла, особенно в столичных университетах, где в начале XX в. приват-доцентов было больше чем профессоров, входивших в штат.

При этом служебное положение «частных» доцентов было нестабильным. Приват-доцент, не преподававший в течение полугодия, терял этот статус. Между тем, лишиться студентов-слушателей, у которых был широкий выбор курсов, было весьма легко, тем более что в 1912 г. приват-доцентам было запрещено чтение курсов, параллельных с профессорскими, то есть дублировавших их, из-за чего многие приват-доцентские курсы прекратили свое существование.

Важно понимать, что, не имея права присутствовать в заседаниях факультетских советов, приват-доценты, были устранены от участия в академическом самоуправлении и в отношении веса своего голоса были куда бесправнее штатных преподавателей.

На этой почве на рубеже XIX–XX вв. для университетов была характерна конфронтация между двумя категориями преподавателей. Штатная остепененная профессура стремились к сохранению своего привилегированного положения в университете. Профессор Томского университета И. В. Михайловский, например, писал о недопустимости «т<ак> н<азываемой> “демократизации” университета, т<ак> к<ак> только профессорская коллегия может стоять во главе управления университетом»⁹. Московский профессор В. М. Хвостов и харьковский профессор Л. В. Рейнгард называли приват-доцентов «гостями» университета, которым негоже распоряжаться в чужом доме и указывать «хозяевам» — профессорам¹⁰.

Любопытно, что даже профессора, казалось бы, разделявшие демократические ценности, часто были не готовы поступиться своим исключительным положением в Совете и отстаивали идеи элитарности своего круга.

Практика функционирования института приват-доцентуры приводит к выводу о том, что далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г., нашли воплощение в реальности. В первую очередь, это происходило потому, что декларируемая идея «свободы преподавания и свободы слушания» вступала в противоречие с курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с министерскими программами.

При этом создание категории преподавателей «второго сорта» породило ситуацию внутриуниверситетской конфронтации, усугублявшей накаленную общественную атмосферу начала XX в.

⁹ Михайловский И. В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 11.

¹⁰ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 178, 188.

Важнейшим фактором карьерного роста университетских преподавателей, как и в наше время, была защита диссертации. Именно обретение ученых степеней служило пропуском на занятие профессорских должностей. При этом, как известно, российскую систему отличало от европейской наличие не одной, а двух ученых степеней, что делало путь к ординарной профессуре более долгим и сложным.

Подготовка оригинального научного исследования занимала немало труда и времени; для гуманитариев она часто была обусловлена командировками в европейские архивы и библиотеки, а для ученых технического и естественнонаучного профиля — необходимой лабораторной базой.

Очень немногим лицам, готовившим диссертации, удавалось уложиться в штатные сроки (в случае подготовки магистерской диссертации). В ведомственной переписке (1899) читаем: «Приготовление себя к профессорскому званию <...> представляет такие затруднения, что только молодые люди исключительных дарований могут добросовестно подготовиться к магистерскому испытанию в 2 года; большинство же молодых людей, впоследствии оказавшихся вполне на высоте своей задачи, употребляют на приготовление себя от 3-х до 6-ти лет»¹¹.

По нашим подсчетам, только 20–25% профессорских стипендиатов защищали магистерские диссертации.

Подготовка же докторских диссертаций нередко растягивалась на многие годы. В нашем распоряжении имеются любопытные документы: 1908 г. — объяснения преподавателей Варшавского университета ректору о том, по каким причинам откладывается подготовка ими докторских диссертаций¹², и аналогичный документ 1913 г. из Саратовского университета¹³. Чаще всего задержку с написанием и защитой диссертаций преподаватели объясняли перегруженностью учебным процессом.

Как отмечалось выше, главной проблемой для человека, делавшего университетскую карьеру, было получение штатного места в университете. До 1884 г. в университетах было четыре преподавательских должности: лектор, доцент, экстраординарный профессор и ординарный профессор.

Новый университетский устав 1884 г., распространенный на шесть из восьми университетов (кроме Варшавского и Дерптского), ликвидировал штатную доцентуру, численно увеличив категорию экстраординарных профессоров и расширив внештатную приват-доцентуру.

Судьба бывших штатных доцентов была следующей: одни из них назначались экстраординарными профессорами, другие — исполняющими должность (и. д.) экстраординарных профессоров, третьи утрачивали штатное место, превращаясь, в лучшем случае, в приват-доцентов или вовсе покидая университет. Отбор производился с учетом объема педагогической нагрузки, научных заслуг, степени готовности диссертации, продолжительности службы, а также «образа мысли» бывших доцентов. В результате реформы, по нашим расчетам, $\frac{2}{3}$ доцентов сохранили за собой штатное место, став профессорами. Среди лиц, не получивших штатного места, преобладали молодые доценты, имевшие, впрочем, как правило, уже не менее 10 лет стажа.

¹¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 42. Оп. 35. Д. 367. Л. 2 об.

¹² Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 81. K. 128–139.

¹³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 350. Л. 1, 5–7.

Избрание или назначение?

Одним из центральных вопросов университетской жизни был вопрос о принципе замещения преподавательских и административных должностей. Этот порядок на протяжении XIX в. многократно менялся, отражая то расширение, то урезание университетской автономии. Устав 1884 г. допускал два варианта замещения вакантной преподавательской должности: либо назначение распоряжением министра, либо избрание Советом университета с последующим утверждением министерством. Причем право выбора процедуры в каждом отдельном случае министерство оставляло за собой¹⁴.

Этот порядок действовал на протяжении двух десятилетий, но в разгар Первой русской революции «Временными правилами» 27 августа 1905 г. был установлен запрет на прямое назначение профессоров (хотя необходимость утверждения в министерстве избранных университетским Советом сохранялась)¹⁵. Впрочем, даже такое послабление действовало недолго. В послереволюционные годы, особенно 1910-е, смещение, назначение, перемещение профессоров непосредственно решением МНП вновь стало распространенным явлением.

В свете разбираемого аспекта университетской истории немаловажную роль играет вопрос о степени конкуренции среди претендентов на штатные должности в российских университетах. Анализ многочисленных кейсов приводит к двоякому выводу. С одной стороны, делопроизводственные документы свидетельствуют, что редкие выборы кандидата на вакантную кафедру обходились без конкуренции, как минимум, между 2–3 лицами. С другой стороны, «ученый ценз» претендентов очень часто не соответствовал требованиям должности. Например, в 1912 г. в Саратовском университете проводился конкурс на замещение шести кафедр медицинского факультета, на которые претендовал 21 человек. Среди соискателей были: сверхштатный экстраординарный профессор Харьковского университета, пять приват-доцентов Московского университета, три приват-доцента университета Св. Владимира (Киев), два приват-доцента Новороссийского университета (Одесса), по одному приват-доценту из Казанского и Харьковского университетов, а также еще девять специалистов не из университетов, а из других учебных и лечебных учреждений¹⁶.

Кадровый вопрос в университетах рубежа XIX–XX вв. был тесно связан с проблемой раскола коллективов на враждебные группировки по идейно-политическим мотивам. В этих условиях весьма распространенной практикой становилось «голосование по партиям», когда при выборе претендента во главу угла ставились не столько его научно-педагогические достоинства, сколько принадлежность к тому или иному политическому лагерю.

Учитывая, что соотношение сил на факультетах различилось, рекомендованный к избранию факультетским советом претендент мог быть забаллотирован на уров-

¹⁴ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 36.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб, 1908. № 26692.

¹⁶ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 161. Л. 6–6 об., 100.

не университетского совета. В свою очередь, избранный на университетском совете профессор мог не получить утверждения в министерстве.

Заметим, что в рассматриваемый период российское правительство проводило политику, направленную на поддержание в преподавательской среде преобладания лиц православного исповедания, что, как правило, соответствовало принадлежности к титульной нации. В силу этого серьезные, часто непреодолимые, препятствия на пути академической карьеры ждали лиц иудейского, римско-католического вероисповедания; а в период Первой мировой войны со служебными трудностями столкнулись преподаватели немецкого происхождения.

Зависимость решения о назначении на должность и о продвижении по карьерной лестнице не только от мнения факультета, но и от университетского Совета и, тем более, от МНП порой сильно досаждала представителям университетского сообщества. Вместе с тем, знакомство с многочисленными биографиями университетских профессоров позволяет прийти к выводу о том, что в период действия последнего университетского устава, допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим Министерство народного просвещения не злоупотребляло, и имевшие порой место случаи игнорирования мнения Советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались как из ряда вон выходящие.

Завершая тему, следует остановиться на обстоятельствах оставления службы в университете. Чаще всего преподаватели выходили в отставку с достижением пенсионного возраста. Однако известны случаи недобровольного увольнения университетских преподавателей по воле учебных, гражданских или полицейских властей.

В первую очередь, это было связано с политическими мотивами. Такова была судьба приват-доцента Новороссийского университета Р. М. Орженцкого, приват-доцента Санкт-Петербургского университета В. И. Семевского, профессоров Казанского университета Д. Н. Зейлигера и Н. Н. Фирсова, профессора Московского университета М. М. Ковалевского, профессора Санкт-Петербургского университета О. Ф. Миллера, профессора Томского университета М. А. Рейснера и других.

Необходимо отметить, что далеко не всегда даже весьма неблагоприятная информация о деятельности, включая политическую активность профессора, приводила к неременным репрессивным мерам в отношении скомпрометированного, с точки зрения властей, преподавателя.

Спектр мер, которые предпринимали власти в отношении политически нелояльных преподавателей, был достаточно невелик. В него входили устные и письменные предупреждения, ограничения, связанные с профессиональной деятельностью, увольнения, судебные преследования. При этом применение последних, крайних, мер на протяжении фактически всего рассматриваемого периода оставалось редкостью. Зачастую власти ограничивались «профилактическими» мерами.

К упомянутым ограничениям профессиональной деятельности можно отнести практику объявления курса того или иного преподавателя «необязательным» для студентов. Так, курс политической и экономической статистики московского профессора А. И. Чупрова, у которого складывались непростые отношения с властями, был объявлен необязательным вследствие недовольства учебного начальства тем, какие акценты делал профессор в этом курсе. В частности, недовольство вызывала

тема семинарских занятий «Составление и обсуждение реформаторов о крестьянском хозяйстве по земской статистике», что сузило круг слушателей А. И. Чупрова¹⁷.

Хорошей иллюстрацией не слишком жесткой реакции на деятельность политизированных преподавателей может служить случай профессора В. А. Косинского, который в 1909 г. переводился из Новороссийского университета в Киевский политехнический институт. В архивных фондах отложилась переписка между председателем Совета министров П. А. Столыпиным и министром торговли и промышленности В. И. Тимирязевым по поводу службы профессора. В. И. Тимирязев писал П. А. Столыпину 16 февраля: «Я нахожу для себя в высшей степени затруднительным отказать в удовлетворении ходатайства Киевского политехнического института. Уже не говоря о том, что обвинение Косинского по 2 ч. 419 ст. улож^{ения} о наказ^{аниях}, насколько мне известно, было прекращено Правительствующим Сенатом, но и все остальные данные — участие в академическом союзе, посещение сходов и т. п., — не такого свойства, чтобы я мог на основании их отказать в утверждении Косинского (курсив мой. — М. Г.), согласно избранию его профессором Киевского политехникума. Я не могу упускать из вида, что очень многим профессорам может быть вменено в вину совершение тех же деяний в 1905 и 1906 годах, а между тем они продолжали и продолжают, как и сам Косинский, оставаться на государственной службе»¹⁸. Председатель Совета министров, соглашаясь с мнением В. И. Тимирязева, резюмировал: «Я сказал Косинскому, посетившему меня, что, если он в Киеве начнет заниматься политической деятельностью, то я непременно потребую его увольнения»¹⁹. В результате В. А. Косинский занял должность ординарного профессора кафедры политической экономии Киевского политехнического института, где служил до 1917 г. После революции он занялся в большей степени политической и управленческой деятельностью, став в 1918 г. министром труда Украинской державы — государственного образования периода Гражданской войны.

Известную мягкость властей можно объяснить, пожалуй, нежеланием будоражить и без того беспокойную высшую школу, в первую очередь — студенчество, которое с большим трудом (и далеко не всегда) удавалось удерживать от участия в политических процессах на противоположной по отношению к власти стороне.

Подведем итоги. Если еще раз обратиться к перечню охарактеризованных проблем, то среди них можно обнаружить как те, которые схожи с типичными трудностями, сопряженными с работой в университете наших дней, так и те, которые в большей степени отражают своеобразие позднеимперского русского университета.

Например, описание карьерных сложностей молодого человека в университете конца XIX в. почти идентично подобным трудностям начала XXI в. То же можно сказать и про обретение полноценной штатной позиции или про подготовку и защиту диссертаций.

С другой стороны, с точки зрения процедуры отбора кандидатов на подготовку к профессорскому званию, особенностей преподавательского состава, отдельных

¹⁷ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 54. Д. 99. Л. 31 об.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 106. Д. 398. Л. 10–10 об.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 106. Д. 398. Л. 9.

элементов государственной политики, отражавшихся на университетской службе, можно говорить о своеобразии периода. Однако, на наш взгляд, главной отличительной особенностью русского университета рассматриваемого периода, сказывавшейся на службе, была выраженная расколотовость профессорско-преподавательского коллектива.

Редкая профессиональная группа является внутренне единой. Но количество и глубина расколов различны. По университетскому преподавательскому сообществу конца XIX — начала XX в. перманентно проходило несколько внутренних разломов: мировоззренческий, деливший преподавателей на «левых» и «правых»; статусный, породивший конфронтацию «старших» и «младших» преподавателей; к этому можно добавить менее выраженный разлом сообщества по линии «столичные» — «провинциальные» преподаватели. Очевидно, что такая ситуация отражала общегражданский кризис последних лет существования империи и являлась обстоятельством, значительно отравлявшим университетскую среду.

По содержанию проведенного исследования может сформироваться впечатление о безысходности и беспросветности университетской жизни рубежа XIX—XX вв., но оно лишь вытекает из выбранного ракурса фокусировки на проблемах и трудностях.

Важно подчеркнуть, что названные проблемы вовсе не были фатальными для высшей школы, а лишь подталкивали университеты к дальнейшей эволюции. Одним из трендов времени была демократизация. В университетах эта тенденция выразилась в борьбе приват-доцентов за участие во вмешательстве в университетские дела, что завершилось их допущением в университетские Советы, произошедшим в 1917 г., а также возвращением штатной доцентуры, последовавшим за окончанием имперского периода.

Университетская карьера никогда не относилась к числу простых: она требовала значительных усилий и не гарантировала непрямого успеха тому, кто шел по этому пути. Но вознаграждением для выбравшего эту стезю всегда было самосовершенствование, удовольствие от занятия интеллектуальным трудом, сопричастность к формированию следующих поколений профессионалов.

Источники

Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники, 1889—1927. СПб: Дмитрий Булачин, 2005. 966 с.

Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 42. Оп. 35. Д. 367.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 106. Д. 398.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 161, 350.

Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913—1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М.: Время, 2011. 423 с.

Михайловский И. В. Университет и наука. Томск, 1908. 18 с.

Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также описание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. 63 с.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб, 1908. 966 с.

Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. СПб, 1903. 391 с.

Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 3. СПб, 1903. 376 с.

Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. 343 с.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 54. Д. 99.

Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 81.

Литература

Иванов А. Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.

Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. М.: ИРИ, 1994. 195 с.

Матушанский Г., Завада Г. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 48–56.

Хартанович М. Ф. Присвоение ученых степеней в России во второй половине XIX в. // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.). Материалы научной конференции 14 февраля 1998 г. М., 1998. С. 67–73.

Шаршунов В. А. История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // Проблемы управления. 2007. № 3 (24). С. 74–91.

Якушев А. Н., Казначеев Д. А. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени в Российской империи // Право и образование. 2006. № 3. С. 162–177.

Якушев А. Н., Кононова С. В. Присуждение ученых степеней в университетах Российской империи (статистический анализ) // Высшее образование в России. 2006. № 3. С. 147–150.

Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien: Boehlau Verlag, 1998. 959 S.

Difficulties of a University Career in Russia in the Late XIX — Early XX Centuries

MIKHAIL V. GRIBOVSKIY

National Research Tomsk State University,

Tomsk, Russia;

Tyumen State University,

Tyumen, Russia

e-mail: mgrib@mail2000.ru

The study is devoted to the problem of making a university career in Russia during the late Empire. The emphasis is on what difficulties, obstacles, barriers faced by those who in the late XIX — early XX centuries chose a university as a duty station. The study is based on archival materials. The situational analysis method (case study), the comparison method were used.

The life cycle of an average ‘person of a university’ of imperial era included preparation for university service, obtaining the first university position, defending two dissertations, career advancement

by holding various teaching or administrative posts, resignation. At all times, achievement of each milestone was accompanied by typical or uniquely personal difficulties. The nature of these difficulties transmit information about the specifics of the period, reflect the originality of the University in different historical eras. As a result of the study, the author, on the one hand, identified problems that are similar to the typical difficulties associated with working at the university of our days — entering the profession, gaining a full-time position, preparing and defending dissertations. On the other hand — problems that reflect the originality of the late-imperial Russian University — the procedure for selecting candidates for preparation for a professorship, problems associated with public policy. The main distinguishing feature of the Russian University of this period, which influenced the career is the pronounced fragmentation of the teaching staff on ideological and status grounds. The author concludes that democratization is one of the main trends in the development of the University at the beginning of the 20th century.

Keywords: University, Russian Empire, career, professor scholarship holder, privat-docent, professor, thesis.

Acknowledgments

The identification of difficulties associated with entering the university service was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 18-18-00121.

The identification of problems associated with making a university career was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 19-18-00485.

The identification of the features of making a university career in Tomsk University was carried out with support from the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) according to the research grant No. 18-39-20008.

References

- Aleksandr Evgen'yevich Presnyakov: Pis'ma i dnevniki, 1889–1927* (2005). [Alexander Evgenievich Presnyakov: Letters and diaries, 1889–1927], S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).
- Archiwum Państwowe w Warszawie (APW) [State archive in Warsaw], z. 214, S. 81.
- Gosudarstvennyy arkhiv Odesskoy oblasti (GAOO) [State archive of Odessa region], f. 42, op. 35, d. 367.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State archive of the Russian Federation], f. 102, op. 106, d. 398.
- Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO) [State archive of the Saratov region], f. 393, op. 1, d. 161, 350.
- Mikhail Mikhaylovich Bogoslovskiy. Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* (2011). [Mikhail Mikhailovich Bogoslovkiy. Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum], Moskva: Vremya (in Russian).
- Mikhaylovskiy, I.V. (1908). *Universitet i nauka* [University and science], Tomsk (in Russian).
- Obshchiy ustav i vremennyy shtat Imperatorskikh rossiyskikh universitetov, a takzhe raspisaniye dolzhnostey i okladov soderzhaniya po inspektzii v universitetakh* (1884). [General charter and temporary staff of the Imperial Russian universities, as well as the schedule of posts and salaries of inspection content at universities], S.-Peterburg (in Russian).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii: Sobraniye 3-e. T. XXV. Otdeleniye I. (1908). [Complete collection of laws of the Russian Empire: the 3rd collection. T. XXV. Branch I.], S.-Peterburg (in Russian).

Trudy Vysochayshe utverzhdennoy komissii po preobrazovaniyu vysshikh uchebnykh zavedeniy (1903). [Proceedings of the Highest approved commission for the transformation of higher education institutions], iss. 2, S.-Peterburg (in Russian).

Trudy Vysochayshe utverzhdennoy komissii po preobrazovaniyu vysshikh uchebnykh zavedeniy (1903). [Proceedings of the Highest approved commission for the transformation of higher education institutions], iss. 3, S.-Peterburg (in Russian).

Trudy soveshchaniya professorov po universitetskoy reforme, obrazovannogo pri Ministerstve narodnogo prosveshcheniya pod predsedatel'stvom ministra grafa I. I. Tolstogo v yanvare 1906 g. (1906). [Proceedings of the meeting of professors on university reform, formed under the Ministry of education under the chairmanship of Minister count I. I. Tolstoy in January 1906], S.-Peterburg (in Russian).

Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Moskvy (TsGAM) [Central state archive of Moscow], f. 418, op. 54, d. 99 (in Russian).

Ivanov, A. E. (1994). *Uchenyye stepeni v Rossiyskoy imperii XVIII v. — 1917 g.* [Degrees in the Russian Empire of the XVIII century — 1917], Moskva: IRI (in Russian).

Ivanov, A. E. (2016). *Uchenoye dostoinstvo v Rossiyskoy imperii. XVII — nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly* [Scientific dignity in the Russian Empire. XVII — the beginning of the XX century. Training and scientific certification of professors and lecturers of higher education], Moskva: Novyy khronograf (in Russian).

Khartanovich, M. F. (1998). Privoeniye uchenykh stepeney v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. [Assignment of academic degrees in Russia in the second half of the XIX century.], in: *Istoriya uchenykh stepeney v Rossii i Zapadnoy Evrope (XII—XX vv.). Materialy nauchnoy konferentsii 14 fevralya 1998 g.*, [The history of academic degrees in Russia and Western Europe (XII—XX centuries. Proceedings of scientific conference, February, 14, 1998], Moskva, pp. 67–73 (in Russian).

Matushanskiy, G., Zavada, G. (2008). Poslevuzovskaya podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov v Rossii: retrospektivnyy vzglyad [Postgraduate training of scientific and pedagogical personnel in Russia: a retrospective view], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, no 5, p. 48–56 (in Russian).

Maurer, T. (1998). *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte* [University lecturer in the Tsarist Empire. A contribution to the Russian social and educational history], Koeln; Weimar; Wien: Boehalau Verlag (in German).

Sharshchnov, V. A. (2007). Istoriya sozdaniya gosudarstvennoy sistemy attestatsii uchenykh i pedagogov v Rossiyskoy imperii [The history of the creation of the state certification system for scientists and lecturers in the Russian Empire], *Problemy upravleniya*, no. 3 (24), pp. 74–91 (in Russian).

Yakushev, A. N., Kaznacheyev, D. A. (2006). Problemy zakonodatel'stva v sfere proizvodstva v uchenyye stepeni v Rossiyskoy imperii [Problems of legislation in the field of production to academic degrees in the Russian Empire], *Pravo i obrazovaniye*, no. 3, pp. 162–177 (in Russian).

Yakushev, A. N., Kononova, S. V. (2006). Prisuzhdeniye uchenykh stepeney v universitetakh Rossiyskoy imperii (statisticheskiy analiz) [Awarding of academic degrees at universities of the Russian Empire (statistical analysis)], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, no. 3, pp. 147–150 (in Russian).